

па, и эта закономерность наблюдается в обоих языках, причем для русского языка она выражена более ярко: около 30 % как ударных, так и безударных слогов не подвергаются удлинению, а при наличии удлинения вариативность длительности слога очень высока.

¹ См.: Метлюк А. А. Просодия белорусского языка в условиях двуязычия. Минск, 1982. С. 51.

² См.: Волков А. Г. Пространственно-временная характеристика потока речи // Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию. Самарканд, 1966. Ч. I. С. 68.

В. Е. КВАЧЕК

ПАРАЛЕКСИЯ В УСЛОВИЯХ БЛИЗКОРОДСТВЕННОГО КОНТАКТНОГО БИЛИНГВИЗМА

Длительное контактирование белорусского и русского языков заставляет обратиться к изучению всех сторон двуязычия и, в частности, паралексии, явления своеобразного, лежащего как будто на поверхности языкового взаимодействия, но тем не менее недостаточно изученного. Прежде всего необходимо уточнить объем и содержание самого понятия паралексии. Согласно принятому определению, к паралексам следует относить пары однокорневых слов, имеющие нерегулярные различия в фонетико-морфологическом оформлении при практически совпадающем содержании¹. Необходима детализация понятийных компонентов, входящих в это определение.

Во-первых, что понимать под «практически совпадающим содержанием»? Наверное, следует ожидать, что объемы значений родственных лексем в большинстве случаев полностью не совпадут. Скорее всего обнаружатся различия в одном или нескольких значениях, несовпадения в валентности. Следовательно, при структурном описании паралекс необходимым условием должно быть совпадение их основных лексических значений, т. е. тождество семантической доминанты, периферией же содержательной стороны в данном случае можно пренебречь.

Во-вторых, необходимо раскрыть понятие «однокорневые слова», или «тождество корневой морфемы», применительно к двум близкородственным контактирующим языкам. Естественно, соотносимые единицы должны принадлежать обоим языкам в равной степени. В таком случае единство это может быть установлено лишь при сведении обоих сопоставляемых слов до общевосточнославянского хронологического среза. Слова же, возникшие из одного и того же восточнославянского корня в эпоху раздельного существования языков, могут иметь вполне регулярные различия и поэтому не попасть в разряд паралекс. Ими они станут в том случае, если приобретут при определенных условиях те или иные фонетико-морфологические черты.

В-третьих, остается довольно неопределенным такое фундаментальное понятие паралексии, как нерегулярность различий между сопоставляемыми единицами. Предварительные наблюдения убеждают в изменчивости этой категории. Обратимся к конкретной группе слов. Так, например, соответствие белорусского [ц'] русскому [т'] перед гласными переднего ряда несомненно регулярное. На этом основании соотносимые лексемы *цела* — *тело*, *ціха* — *тихо*, *цесны* — *тесный* и подобные мы не включаем в состав паралекс. Но язык, как известно, система развивающаяся. Возможно, что ранее какое-то соответствие было регулярным, а затем, вследствие утраты части лексики или появления неологизмов, заимствований, стало нерегулярным. В нашем примере большая группа слов, заимствованных обоими языками, получила в указанной позиции различное фонетическое оформление, приведшее к нарушению регулярности [ц'] — [т']. Имеются в виду широко употребительные слова: *тып* — *тип*, *тыран* — *тиран*, *тыф* — *тиф*, *тэкст* — *текст* и т. п. Почему в данном

случае не сохранилось прежнее соответствие? Вопрос непростой. Как известно, русские мягкие согласные [т'] [д'] в белорусском языке «автоматически» превращаются в мягкие аффрикаты [ц'] [дз'], т. е. возникает «цеканье» и «дзеканье», своеобразнейшие фонетические черты белорусской речи. Можно предположить, что, отталкиваясь от сходства с русской произносительной нормой, белорусский литературный язык в данной позиции отдал предпочтение твердому [т], и в результате возникло новое регулярное соотношение [т] — [т']. Таким образом, то, что было регулярным, вследствие проникновения заимствованных слов стало, в пропорциональном плане, нерегулярным. Как в таком случае оценивать регулярность / нерегулярность соответствий? Допустим, определенная фонетическая ситуация реализуется в 100 лексемах. Тогда, наверное, регулярными надо считать, по крайней мере, 51, остальные — нерегулярными. Или, как в нашем случае, если сопоставить данные Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы и Словаря русского языка в 4-х томах, ограничившись начальными слогами непроезженных лексем, то количественное соотношение будет соответственно 40 и 25, т. е. в данной фонетической позиции регулярность соответствий [ц'] — [т'] в процентном отношении равна 62. Следовательно, 38 % приходится на нерегулярные соответствия, т. е. на паралексы *тыгр — тигр, тытул — титул, театр — театр* и т. п. Впрочем, и это соотношение может «качнуться» в ту или другую сторону в течение определенного временного отрезка. Например, тот факт, что в белорусском литературном языке единичные заимствования (*цір, цігла, цітры* или в нена начальном слоге — *каранцін, дезерцір*) закрепились с [ц'], а не с [т], свидетельствует о том, что соотношение [т] — [т'] может подвергаться разрушению. (Этот процесс коснулся и сочетаний *ды — ди*. Ср.: *дыплом — диплом, дыск — диск, дыспут — диспут* и *брыгадзір — бригадир, камандзір — командир, мундзір — мундир*).

Таким образом, нерегулярность структурных соответствий паралекс относительно. Количественно они могут быть представлены как единичными парами, так и довольно большими группами, поэтому предварительно можно установить несколько степеней паралексических соответствий: единичные случаи, низкая регулярность (до 25 %), средняя (от 30 до 60), высокая (свыше 60 %).

Существующую типологию паралекс, включающую акцентные (*за-хад — заход, кухонны — кўхонный, смёшна — смешно* и т. п.), словообразовательные (*бляізна — бельё, перасохлы — пересохий, юнак — юноша*) и грамматические (*шынель м. р. — шинель ж. р. крупы, ед. числа нет, — крупā и крупы* и т. п.) паралексы, следует расширить за счет соотносительных единиц белорусского и русского словарей с тождественной семантической доминантой, имеющих в плане выражения незначительные различия в фонемном составе. В эту группу мы включаем такие пары слов, как *возера — озеро, вуха — ухо, нельга — нельзя, мыю — мою, палон — плен, чапля — цапля, цешча — тёща, шкло — стекло* и др. Условно их можно отнести к разряду фонетических (или фонемных) паралекс, ибо основная причина возникновения структурных несоответствий связана с реализацией фонетических законов, действовавших в разные исторические периоды и приведших к различным рефлексам в современных белорусском и русском литературных языках. Исследование этого типа паралекс предполагает единство диахронического и синхронического подходов, т. е. необходим исторический экскурс с целью выявления истоков дивергенции тождественных форм. Проиллюстрируем это на примере, обратившись к одному из источников зарождения группы паралекс и обобщив результаты дивергенции.

Древнейший фонетический процесс, «отголоски» которого хранят все славянские языки, — это изменение сочетаний *kv-, qv- перед гласными переднего ряда в мягкие *c'v-, z'v-, причем в одних славянских диалектах смягчание имело место, а в других — нет. Явление это непосредственно связано со второй палатализацией заднеязычных [z], [k], [x], считается ее разновидностью, но происходило позже, приблизительно в V—VI веках,

так как заимствования в последующие века сохранили эти согласные без изменения. Различная судьба этих сочетаний в диалектах праславянского языка отразилась в единичных корневых морфемах, для нас же интерес в данном случае представляют только формы *квет-/цвет-*, явившиеся источником паралексических образований в современных белорусском и русском языках. Существует несколько гипотез об условиях палатализации этих сочетаний. Ф. П. Филин вслед за А. М. Селищевым связывает эти изменения с особенностями произношения в славянских диалектах. По их мысли, «в одних диалектах (kv-, gv-) составляли единые звуковые комплексы, своего рода аффрикаты, поэтому палатализация (v) вызвала палатализацию (k), в других диалектах согласные в этих сочетаниях не примыкали так тесно друг к другу и могли произноситься как (k^hv-, g^hv-) — в этих условиях заднеязычные остались несмягченными»². Наличие форм с (kv-) в белорусском языке не связывается с влиянием польского языка на том основании, что несмягченное сочетание (*квет-*) было распространено почти на всей территории русского языка, включая и восточные говоры. Не чуждо оно и южнославянским языкам. Эти факты склоняют к мысли, что сочетание (kv-) на восточнославянской территории является остатком глубокой праславянской старины, сохранившейся в белорусском языке.

В русском литературном языке сочетание (цв-) представлено корневой морфемой *цвет-* и ее производными, в белорусском в составе целого ряда лексем сохраняются обе разновидности, (kv-) и (цв-). В результате сложилась группа паралекс, имеющих различия в звучании:

квет (поэт.), кветка — цвет, цветок,
кветаед — цветоед, кветаложа — цветоложе,
кветаножка — цветоножка, кветаносны — цветоносный,
квѣтачница — цветочница, квятóчница — цветочница (муха),
квѣтачны — цветочный (одеколон),
кветкавы — цветковый (растение),
кветкавод — цветовод, кветкаводства — цветоводство,
квѣтнік — цветник, кветнікавы — цветниковый,
квітненне — цветение, квітнець — цвести,
квяцісты — цветистый, квяцістасць — цветистость,
ро́сквіт — расцвет, расквітнець — расцвести,
расквѣіць (и расквяіць) — расцветить,
расквѣчванне — расцвечивание,
квітнеючы — цветущий.

(Разошлись в значениях *квецень* «цветы на растениях, лугу, деревьях» и *цветень* «цветочная пыльца»). Однако этой довольно устойчивой регулярности расхождений противопоставлена другая группа слов, совпадающих по значению и форме. Прежде всего выделим омонимичные в обоих языках лексемы *цвет* — *цвет*. Первое значение — «окраска» для бел. языка нехарактерно и ограничено разговорной речью (напр. в посл. «Зі-мой і летам адным цветом») и единичной калькой из русского — «цветная капуста (в свою очередь из нем. Blumenkohl). Указанное значение в бел. литературном языке выражается словом «*колер*». Второе значение — «цветы на растениях и деревьях в период цветения» («агурочны цвет»), «само цветение, период цветения» («яблони в цвету», «верас у самым цвеце»), переносно «лучшая часть чего-л.» («цвет навукі») — в обоих языках совпадает. В бел. языке *цвет*, *цвяток* в значении «орган размножения у растений и само растение с частью стебля и этим органом (т. е. *кветка*)» носит диалектный характер («Малы сарваў цвет»), в то время как в русском языке *цвет* и *цветок* в прямом значении идентичны («как маков цвет», «пахучий цветок», «собирать цветы»).

Семантически тождественны и глаголы *цвісіці* — *цвести* «раскрывшись, быть в поре цветения» и перен. «находиться в поре физического расцвета, успешно развиваться», а также производные глагольные формы *адцвісіці* — *отцвести*, *зацвісіці* — *зацвести*, *расцвісіці* — *расцвести*, *працвісіці* — *процвести* и действие и состояние по этим глаголам: *цвіценне* — *цветение*, *адцвітанне* — *отцветание*, *зацвітанне* — *зацветание*, *расцвітан-*

не — расцветание, працвітанне — процветание. От глаголов *цвісці*—*цвести* в значении «покрываться тиной, ряской» образованы и существительные *цвіль* — *цвель* «налёт плесени, ряска». Однако в белорусском языке, главным образом в эмоционально приподнятой речи, глагол *цвісці* в указанных значениях, кроме последнего, т. е. «плесневеть», может быть заменен глаголом *квітнець* (и производными формами *расквітнёць*, *квітнёчы*, *рóсквіт*). В других корневых морфемах (*кв-*), (*цв-*) не сохранились, за исключением русских диалектных форм *квелить* и *цвелить* «дразнить, волновать, мучить» и глагола *цвяліць* с тем же основным значением в белорусском языке.

Что касается сочетаний (*зв'-*), (*св'-*) (из **gv-*, *chv*), то дело здесь обстоит проще. Убедительных примеров на изменение (*chv-*) > (*sv'-*) нет, кроме *хвистать* (рус. диал.) — *свистать*. Изменение (*gv-*) > (*zv'-*) реализовалось в русском языке в корневой морфеме *звезд-* и ее производных (около 15 лексем). В белорусском литературном языке не привилась ни форма *звезд-*, ни польский вариант *gwiazd-* (название республиканской газеты «Звезда» заимствовано из русского языка). Для выражения соответствующего понятия используется слово «зорка», также общеславянское по происхождению, этимология которого восходит к *зреть* «смотреть», *зара* (заря), *зоркий* и др.

Как видим, установились довольно сложные межъязыковые соответствия в исследуемой группе лексических единиц. Из 36 слов 22 дали двоякий результат, т. е. *квет-/цвет-* и производные формы, что составляет 61 %, остальные по данному признаку совпали и стали омолексами. Ядром этой группы является глагол *цвісці* и его префиксальные формы, употребляемые наряду с глаголом *квітнець*. Сосуществование в белорусском языке форм с сочетаниями (*кв-*) и (*цв-*), а в русском — только с (*цв-*) свидетельствует не только о диалектном различии, возникшем в языке восточных славян, но и о тенденции выравнивания, сближения структур взаимодействующих языков.

Таким образом, исследование фонетических истоков паралексии и последующий анализ результатов дивергентного развития родственных структурных элементов представляет несомненный теоретический и практический интерес, так как помогает более конкретно и детально описать особенности языков по отношению друг к другу, углубить наши представления об их исторических связях и дальнейшем взаимодействии в условиях контактного билингвизма.

¹ Белорусско-русский паралексический словарь-справочник. Минск, 1985. С. 4.

² Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962. С. 177; Глумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5 т. Мінск, 1977—1984; Словарь русского языка: В 4 т. М., 1981—1984.

Г. В. ШКНАЙ

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВА

Понятие семантической структуры слова, так же как и понятие семантической структуры языка, должно включать в себя два момента: семантические единицы — определенное количество значений лексемы; семантические отношения — совокупность связей, установившихся между ними. Если первый элемент структуры слова (семантические единицы) довольно интенсивно исследуется лингвистической наукой, то о втором пока еще говорят с некоторой неуверенностью: «...есть все основания предполагать, что различные «значения» внутри слов по-разному соотносятся друг с другом, точно так же как в неодинаковой степени зависят (парадигматически и синтагматически) от значений других слов»¹. Однако, на наш взгляд, уже назрела необходимость не только признания объективности существования семантических отношений между семантическими единицами слова, но и глубокого их изучения.